

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ СООБЩЕНИЕ

ПРИГЛАСИЛИ СААРБРЮККЕНЦЫ

Солнцесте дугогого кинтета города Саарбрюккена пригласили грузинского композитора Омар Миндорава. Он приехал на премьеру его произведения, созданного по заказу главной редакции музыкального отдела дирекции программ радиовещания земли Саар (ФРГ).

Квнтет № 2 впервые прозвучит на концерте, который состоится в последние числа марта в городе-партнере Тбилиси.

— Теоретические контакты с музыкантами Саарбрюккена на-

считываются десять лет, — сказал корреспонденту ГРУЗ.ИНФОРМА Омар Миндорава. — Тогда в Тбилиси, в Большом зале филармонии состоялся заключительный концерт Недели земли Саар в СССР. Немецкие музыканты исполнили мой первый квинтет. Мне доставляет большую радость встреча с саарбрюккенскими ансамблями.

Известная музыкальная фирма «Ганс Сикорски» в Гамбурге проявила интерес к новому сочинению Миндорава. Оно включено в каталог

издаваемой музыкальной литературы. Произведения Омара Миндорава, написанные для духовых ансамблей, пользуются признанием у нас в стране и за рубежом. Его первый квинтет с успехом прозвучал в Москве, Ленинграде, городах Прибалтики, Украины, Сибири. А «Соната для флейты и фортепиано» входит в репертуар Таллинского квинтета духовых инструментов имени Яана Тамме. Эстонские музыканты исполнили ее также на летних семинарах в Финляндии в городе Тампере.

Проверяет весна на... мороз

В ночь на 16 марта прихода словно захотела проверить на стойкость работников сельского хозяйства Западной Грузии. Здесь был отмечен мороз до 4 градусов.

На равнинах Грузии продолжали идти дожди, а в горах — снег. Его покров на Крестовом перевале по-прежнему составляет более четырех метров. Повсюду в высокогорье

сохраняется опасность схода лавин.

— В ближайшие дни погода на территории республики не изменится, — сказала корреспонденту ГРУЗИНФОРМА начальница Гидрометеослужбы Грузии Мария Алексидзе.

По-прежнему, но теперь только местами, ожидаются осадки в виде дождя, а в горах — снег. В низменных районах воздух прогреется до 11 градусов, а в горах — до 6.

столбик термометра будет колебаться между отметками минус 2—плюс 3 градуса, а в горах — от минус 1 до минус 6. Зато днем воздух может прогреться до 14 градусов, а в горах — до 7.

На равнинах Восточной Грузии ночью может отмечаться мороз до 6 градусов, а в горах — до 9. Днем же в низменных районах воздух прогреется до 11 градусов, а в горах — до 6.

В ожидании большого футбола

К МАТЧУ КОМАНД «ТОРПЕДО» (МОСКВА) — «БОРДО» (БОРДО)

В субботу из Еревана в Тбилиси приехали футболисты московского «Торпедо». Здесь 15 марта на стадионе «Динамо» им В. И. Ленина они проведут товарищеский матч с грузинским клубом «Бордо». Корреспондент газеты «Заря Востока» встретился со старшим тренером автозаводцев заслуженным мастером спорта Валентином Ивановым и попросил его ответить на несколько вопросов:

— После первого матча с «Бордо» прошло уже около двух недель. Изменились ли за это время игра вашей команды?

— Естественно. «Торпедо», как и все другие команды высшей лиги чемпионата СССР, наращивает свою игру. Мы провели, правда, неудачно, две встречи в главном турнире нашей страны и во второй из них — в Ереване уже было заметно, что футболисты действовали лучше, активнее играли в середине поля, выглядели, как говорится, более свежими.

— Возвратившись к матчу с «Бордо». Судя по откликам информационных агентств, эта команда вам не очень понравилась.

— Да, «Бордо» отличается от других команд своей страной жесткостью, переходящей в грубость. И здесь нам, тренерскому коллективу «Торпедо», есть над чем поломать голову. Главная проблема: когда поставить в линию полузащиты, технических игроков или более мобильных, жестких?

— Есть ли у вас новая информация о сопернике?

— Нет. Но мы хорошо знаем эту команду. Ее состав. Просмотрели ее матчи в национальном чемпионате. Провели игру, наконец. Матч в Тбилиси для обеих коллективов будет тяжелым, но задача, которая стоит перед нами, я уверен, выполнима. На то только сыграть добротную, уверенно, красиво.

— О том, что задача ваша выполнима, говорит и результат первой встречи. Не правда ли?

— Казалось бы, это так. Но «Бордо» — это профессиональная команда. Она играет только на результат. Самое важное для нас — быстро забить гол в ворота соперника и не пропустить в свои.

— Я уже говорил, что «Бордо» — профессиональный коллектив. Поэтому не думаю, чтобы он сразу пошел вперед. Сперва нам необходимо отыграться. Вот тогда соперники оголят тылы. Этим мы обязаны воспользоваться. Словом, думаю, игра будет интересной, и тбилисский зритель получит большое удовольствие.

— Кроме Метрели, уже в сборной СССР вы играли вместе с Михаилом Меси и Гиви Записал ДИМИТРИЙ МЧЕДИДЗЕ.

В моем семейном архиве есть фото. Сделано оно в 1960 году. На нем наша команда «Торпедо» вместе с тренером Виктором Масловым, завоевавшая в том году все призы чемпионата СССР по футболу. Восемь сезонов подряд провела в автозаводском коллективе, и всегда рядом со мной играл Валентин Иванов — игрок техничный, неутомимый, пользующийся высокой репутацией у нас в стране и далеко за ее пределами.

В 1956 году, когда Константин Иванович Бесков пригласил меня в Москву из горьковского «Торпедо», Валя уже был в нашей команде одним из ведущих игроков. Конечно, первое время мне было не столько не по себе. Слушался, был как-то скован. И здесь большую роль сыграл Иванов.

Дело в том, что Константин Иванович поставил меня сразу в основной состав на матч с динамовцами Москвы. Честно говоря, я тогда очень нервничал, даже сказал тренеру: «Дайте сперва поиграть в дубль». Но на поле все же пришлось выйти. Как же мне потом тогда Валентин Иванович стал играть чуть ли не за

двоих, подставлял, удобный и чаще пасовал. После этого мы подружались. Часто на сборах в гостиницах жили вместе, делились друг с другом всем, чем могли.

Вместе мы и тренировались, выполняли комбинации, учились взаимопониманию, чтобы затем в игре было легче. Так и прошло восемь лет.

И вот сейчас он тренер той команды, за которую мы играли. Я видел первую игру автозаводцев с «Бордо». Тогда «торпедовцы», особенно защитники, пока зли и уверенную игру, которая мне понравилась. Повторная встреча проводится в Тбилиси. Хочу от всей души пожелать Иванову и моим молодым коллегам победы с приемлемым счетом, хотя знаю, что игра будет трудной, бескомпромиссной. Уверен, молодые торпедовцы сделают все, чтобы выйти в следующий этап розыгрыша.

Уверен также, что наш зритель, любящий красивую, пылкую честную игру, по достоинству оценит мастерство команды и горячо поддержит.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

Слава МЕТРЕЛИ, заслуженный мастер спорта СССР.

РЕПОРТЕР ИЩЕТ СОБЕСЕДНИКА

ВЫ пытались когда-нибудь сгнать с охапки море, нырнуть на глубину и почувствовать первозданность прекрасного мира? Волны словно текут по рукам, прикасаются влажными дельфинами к ногам.

Такое чувство возникает на пыльном берегу у скульптурной композиции Георгия Очаури «Море». Странное волнение охватывает всякий раз: узнавание — неузнавание. Кажется, еще одно усилие — и вспомнится, где и когда это было. И вдруг пришедшее понимание: все это — люди и море, люди и дельфины — Диоскурия, что когда-то лежала у ног, а скульптор сумел угадать сокровенное, понять и выразить, одухотворить то, о чем мы только догадываемся.

Плундза и «Море» — это два, теперь уже неразделимых друг от друга, понятия. Сколько в этой композиции воздуха, как просто и вместе с тем объемно, гармонически объединены здесь красота человеческого тела, как целостно художественное видение.

Скульптура наполнена воздухом. С любой стороны, с любой точки можно соприкоснуться с ней — и в этом тоже форма совершенства, которая придает ей удивительную жизнеспособность.

Часто, глядя на скульптуру, мы задаемся вопросом — кто ее создал? Бери в руки кисти, и прежде всего — на обложке фамилия писателя, подхода к картине — ния художника. На скульптуре же далеко не всегда встречается имя автора. Вероятно, это все же несправедливо.

Но не о том речь. В данном случае, я думаю, Георгию Очаури повезло. Кто в Грузии не знает, что Важа Пшавела — это очауриевские детище, и мемориал «Славы» в Тбилистском парке Победы в Ваке — тоже Очаури. Чуть позже, чтобы приблизиться к этим работам, художник трудился упорно, искал и постигал, размышлял, глубже проникал в суть явления.

Чтобы ощутить внутренний мир человека, надо знать его корни. Об Очаури хочется сказать то, что он прежде всего ни в своем творчестве, ни в жизни не шел на компромиссы. Среди современных грузинских художников он выделяется не только талантом, но главным — интеллектом, глубокой эрудицией, высокими гражданскими качествами.

Работы его самобытны, отмечены редкой способностью изнутри увидеть суть явления, человеческого характера, постичь его.

Он учился в мастерской народного художника Грузии Н. Канделики, а окончив Академию, представил в качестве дипломной работы скульптурную композицию, в которой хотел выразить галактический стих. «Так пламенный знамена. Алым рассвет нетерпелив. Взорвется знамена!.. В алых полнотцах шири небосклона — знамена, знаменит!.. Призыв и восторг, стремление к подвигу, образный он в волею порою мужской фигуры. Ее сегодня можно увидеть в Ланхути.

В 1958 году Очаури вылепил «Кентавра» — получеловека, полуконию. Но в этом «полупе» было неразрывное слияние поэзии, музыки, духовности. Поэтическое изображение здесь словно выливается из им самим же установленных художественно-эстетических принципов. Вечная борьба возмущенного и земного — вот, что волнует мастера.

И вот портрет. Он в творчестве Г. Очаури занимает одно из значительных мест.

Впервые этот жанр был широко представлен на групповой выставке грузинских художников в 1975 году в Москве. Выставка эта была примечательна. Она собрала близких по мировоззрению участников. Соинтеграция художников одного поколения — 50-х годов, открыла зрителю по-новому мир поэтического отклика на реальность, где обаяла принятое авторами ес-

тественной основой жизни, максимализм, признание, ней и страстное слияние с ней.

Зубаб Никарадзе, Тенгиз Мирзашаили, Дмитрий Эрстави, Георгий Очаури держали ответ перед москвичами. Очауриевские станковые портреты «Мелита», «Зубаб Никарадзе», «Портрет супруги» и другие утверждали собой право на исключительную предназначенность человека, затрагивали самые тонкие струны душевной жизни.

Все в этих скульптурных портретах свидетельствовало о бережном отношении к натуре, ее пластике.

В станковой манере почерк художника, как важный компонент, влияет на восприятие зрителя, — это Очаури. — А это очень важно. В повседневно быту люд приходит и уходит, и мы забываем. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно. В искусстве же человек живет вечно.

Мне хочется рассказать о нем начать с Матери — благодарнейшей — огромной восемнадцатиметровой фигуры, подпирющей голубой небосвод, держащей на вытянутых руках ветку дуба и розовое покрывало, символизирующее славу и чистоту. Это — мать, гордая подруга своих детей. Лицо женщины приковывает к себе красотой и внутренней силой. Поза ее величественна и спокойна.

Женщина исполняет свой высокий долг и в этом сознании черпает решимость и мужество, сохраняя при этом и женственность, и нежность, порожденные самоотверженной материнской любовью.

Тема бесмертия — в могучем всем каскаде, что с шумом сбегает по каменным ступеням. Вода — символ вечности.

«А сколько было тревог, дней и ночей, когда растерянный художник сменяла радость, а неудовлетворенность вновь повергала в пропасть неизвестного Судьбы мемориала решалась болезненно и долго. Не все воспринимали новаторскую мысль, душевный порыв художника. Были и скептики, кто пытался мрачно прогнозировать неудачу, но были и другие — единомышленники мастера, те, кто верил — мемориал найдет своего зрителя.

Они не ошиблись. Свидетельство тому — нескончаемый поток посетителей в парк Победы. Истина в том, что прекрасное всегда само находит свой путь.

«Это удивительный ансамбль по своему композиционному решению. Автор его задается благородной целью показать беззаветный подвиг народа во имя свободы своего Отечества. И мы видим талантливое воплощение этой идеи. Это уникальные ансамбли... Герои не поглотили, они остаются в памяти народной и вечно возрождаются этому — бронзовые скульптуры. Этой работой Г. Очаури внес вклад в историю искусства. Это — монументальное искусство, — пишет заслуженный деятель искусства РСФСР Владимир Толстой. Доктор искусствоведения Никита Воронцов: «В мемориальном комплексе Славы слились волею Полюги и Бессмертия. Мне как художнику Великой Отечественной войны понятно, с каким трепетным волнением приходило сюда ветераны. Ведь здесь оживало воспоминание о давних упорных боях, о героизме, о самоотверженности, о мужестве, о стойкости в почетном карауле у могилы».

Владимир Замков, член-корреспондент Академии художеств СССР: «По скульптурному Гою Очаури можно судить, как виртуозно владеет он секретами изобразительного искусства. Особенно ярко проявились его дарование в восьми бронзовых фигурах воинов разных войн. Мне трудно найти им анализ, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потрясающей выразительности и величия. Я ошеломлена идеей и ее воплощением, — пишет доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета иностранных языков имени М. Торова Е. Шендельс. — Независимо от того, насколько так и не поглотили, они несут в себе огромную силу воздействия. Г. Очаури — крупный мастер, и это чувствуется в его строге, сдержанной манере, в которой он осуществил свой замысел».

«Я смотрю на этот мемориал, и меня охватывает чувство трагической одухотворенности, потряса